

Возле Тьмы. Чужой

Автор:

[Андрей Круз](#)

Возле Тьмы. Чужой

Андрей Круз

Мария Круз

На пороге Тьмы #3

Мир, почти погибший, но все же уцелевший, разделившийся на Свет и Тьму, Своих и Чужих, Добро и Зло. И человек, идущий сквозь этот мир в поисках любимой женщины. Готовый на все ради того, чтобы ее найти. Вот, в общем, и все.

Андрей Круз, Мария Круз

Возле Тьмы. Чужой

1

Луч фонаря осветил все вокруг, уперся в стену, метнулся по ней, и я понял, что ничего не понимаю. Рядом стоял генератор, но не такой маленький, как был у меня, а куда крупнее и мощнее. И сарай был вовсе не металлический: это доски вокруг. И пол деревянный. И тулупа моего нет нигде, пропал. Все не так, в общем.

Ну и где я теперь?

Где Настя?

Настя здесь, я это просто знаю, чувствую. Я – там, где она.

Повернул ручку двери, толкнул – не открылась. Навалился сильнее – она еле сдвинулась, а в образовавшуюся щель дуло ветром и посыпался снег. Класс, опять снег, а тулуп пропал. И много навалено, но вроде бы не плотно. Толкнул сильнее, плечом, еще раз, еще – дверь подавалась, собирая перед собой небольшой сугроб. Все, теперь можно протиснуться. Только пришлось рюкзак снять, и уже без него вылез, оказавшись в снегу выше чем по колено.

Холодный резкий ветер дул в лицо, забрался под свитер.

– И где это я теперь?

Моего вопроса никто не слышал. Шумел ветер в ветках деревьев, где-то вдалеке каркала ворона. Опять ворона, пропади она совсем. Тогда тоже ворона была. Сейчас бы из дробана... чтобы не каркала, тварь такая. Тогда камушками кидался, а вот теперь...

Ладно, где я на самом деле?

Горы. Тут довольно пологие, а вдалеке вполне крутые и высокие. Дом. Деревянный. Чуть ниже по склону, к нему засыпанная снегом лестница ведет. Большой такой дом, добротный, даже красивый, шале настоящее. И, мама дорогая, – с гаражными воротами и двумя спутниковыми тарелками!

– Засношало ретро! По самые гланды засношало, – сказал я вслух, причем совершенно искренне, попутно сняв с плеча дробовик. – Слава тарелкам и домам с гаражами! Хочу, чтобы мобильные телефоны, телевизоры и всякое такое все. Прогресс рулит.

А еще отсюда не видно мне было ни единого человеческого следа на слежавшемся рыхлом снегу. Следы тут разве что птичьи и какого-то небольшого зверька, бегавшего по этому самому снегу петлями. Отсюда, где я стою, виден

весь участок – и ни расчищенных дорожек на нем, ни чего другого. И подъездная дорога к участку завалена. И хоть плохо мне видно сквозь облетевшие деревья, но дорогу, что протянулась по склону ниже, тоже никто не расчищал. Я даже скорее угадал, что там дорога, – так и не понять вообще-то было. За один день так не завалит, такое может быть, если ее вообще ни разу не чистили. Хоть раз бы прошелся бульдозер – и у обочин были бы валы, а тут как в поле диком, все гладко.

Дальше еще дома видны, и тоже деревянные. Но так, не слишком близко, метров двести отсюда до ближайшего. А остальные и видно с трудом через лес. Лес лиственный, к слову, сейчас серый и облетевший.

Высоко задирая колени и пробиваясь через плотный хрустящий наст, дошел до лестницы, тоже деревянной и тоже засыпанной, остановился, присмотрелся к дому внимательней.

Нет, это не Россия. Не могу объяснить, откуда такая уверенность, но не Россия. Хоть сейчас побиться на что угодно готов.

Дом на склоне. Въезд в гараж сзади, он как раз ко мне повернут, фасад отсюда не виден. От уровня гаража над склоном идет терраса и с другой стороны, кажется, становится балконом второго этажа. Нет, не второго, второй отдельно, а там, похоже, цоколь высокий. Подвал, наверное. А терраса на втором – и с этой стороны тоже на втором получается. На нижней, широкой террасе стоит джакузи, большая, накрытая и засыпанная снегом. А нормально в ней, наверное, летом сидеть, оглядывая окрестности. Видно отсюда далеко, кстати.

Окна большие, с виду вроде как даже с одинарным стеклом. Нет, тогда это точно не Россия. И дверь обычная, деревянная, не стальная, как у нас принято. И решеток нет на окнах.

Перед гаражом машина, красная, если по тому, что видно, судить, но больше она на сугроб похожа. И даже под этим сугробом можно разглядеть, что машина современная. Из тех, что с печкой. И даже кондиционером. Не «эмка» сталинских времен, и не «тазик».

Так, если нет ни одного следа... Настя здесь была? Я же чувствовал ее еще минуту назад, но следы... Однако в любом случае радуется то, что здесь нет и тех

двух уцелевших сотрудников Управления охраны, жаждущих нас убить. И еще Тьмы, Тьмы я не вижу отсюда нигде. Может, она и есть, но не здесь, далеко отсюда.

– Ладно, посмотрим, – сказал я сам себе и сделал первый шаг по лестнице.

Чуть не поскользнулся, но удержался. Второй шаг аккуратней, уже вбивая каблук в снег. Может, здесь и ботинки с новыми, правильными подошвами найдутся? Хотелось бы. Участок большой, ничем не огорожен, но границы понятны – до леса. Вдали еще какой-то сарайчик, вроде как для садового инвентаря, но мне туда не надо.

Спустился, вновь увяз в снегу выше колена, чувствуя, как промокают брюки и становится холодно ногам. Да и вообще в свитере зябко, хоть температура совсем не сильно ниже нуля должна быть. И пасмурно, серо.

Дверь входная рядом с гаражными воротами, которых, к слову, аж двое, причем одни из них, те, что слева, такой ширины, что в них должен без проблем танк заезжать. Даже поперек. С пушкой. Это на сколько машин гараж получается?

Машина, что замерла на подъездной дорожке, оказалась как раз на дороге. Спортивное купе какое-то из недорогих, японка, кажется. Ну если по форме судить. Хотя форма того... я таких не видел, какая-то совсем футуристическая. И фонари задние – из светодиодов, что ли? Нет, не видал пока такого, не встречал.

Номер. Табличка с ним, если точнее. Буквы, цифры, а еще написано «Калифорния». Латинскими буквами, разумеется.

Я в Калифорнии?

С сомнением посмотрел на снег, в котором я завяз.

Нет, вряд ли. А вот машина оттуда приехала, наверное.

Взгляд уперся в шильдик и надпись. «Датсун Скайлайн».

– Засношали параллельные реальности, – сказал я вслух и зачем-то прицелился в машину, хоть стрелять и не стал.

В моей реальности последний «датсун» был выпущен... черт его знает когда. В начале восьмидесятых, наверное. Мне так кажется. Но очень давно. Нет их больше, а «скайлайном» назывался «ниссан».

Не, я точно в Америке. Глядя на дом, в это легко верится. А еще в доме дверка со стеклом. Даже смешно. На мою бы дверь посмотрели, которая там, откуда я только что.

Ближе к дому снег стал не таким глубоким или более плотным, идти стало чуть легче. Заглянул осторожно в окно, что справа от двери, разглядел кухню. Нормальная такая кухня, в сельском стиле, но вот людей в ней не видно.

Ладно, попробуем войти. Чтобы не нагнать и заодно не нарваться на неприятности, сначала стучал с минуту, прислушиваясь, но ничего так и не услышал, только ветер в деревьях слегка шумел. Стекло дверное немного дребезжало, когда я колотил по нему костяшками пальцев, да и все. Нет никого, наверное. Или есть, но отзываться не хочет. В засаде сидит.

Повернул ручку, толкнул дверь, она неожиданно легко открылась. Не заперто, типа заходи кто хочет.

– Is anybody home? – крикнул я классическую фразу из фильмов ужасов, открывая дверь до конца стволом помпового моссберга «морской» модели. – Anybody here?

Тишина.

Вошел, прикрыл дверь за собой, отсекая лишние шумы и ветер. И оказался в очень просторной, скорее даже огромной, двусветной гостиной, с большим камином из дикого камня. А нормально так, хорошо тут живут. Или жили. И телевизор впечатляет, плоский. Это сколько такой стоит? Я пока к подобному разве что приценивался – они ведь только появились.

А дом-то выстыл: тут сейчас не лучше, чем на улице. Скорее всего в нем действительно нет никого. Но это все же проверить надо.

Сделал пару медленных шагов вперед и застыл как вкопанный. А это что еще? В кухонном уголке стол с двумя лавками, а на нем... на нем мой карабин М1 и «лифчик» с магазинами! Забыв про всякую осторожность, бросился к нему, оттолкнув и уронив увесистый стул. Это он, это мой, такого второго нет, мне же его по заказу мастер переделывал!

Схватил, глянул на номер. Да, это мой карабин, я не ошибся. А под ним лист бумаги, и на нем красным широким маркером написано: «Иду искать людей и поеду на местный аэродром. Попытаюсь попасть в Денвер. Буду оставлять знаки. Люблю, Настя».

Похоже, что надолго она здесь не задержалась... но записка выглядит не вчера оставленной. Сколько же здесь времени прошло за те минуты, что я собирался с мыслями там, в Москве, в своем доме?

Так, еще ключ какой-то. Взял со стола, сунул в карман. Могла бы и пояснить, что за ключ оставила.

Настя все же здесь была, я не обманулся. Вздохнул, вытер со лба выступившую испарину. Что-то я того, разнервничался совсем. И кстати, почему она карабин оставила? Магазин полный, и все в разгрузке под завязку набиты, серьезное ведь оружие, хоть и не новое. Разжилась чем-то другим?

Денвер, Денвер, дай бог вспомнить американскую карту... Ну да, штат Колорадо. И горы эти, значит, Скалистые, которые Rocky Mountains. В Колорадо, наверное, можно разжиться оружием, как мне кажется. Может, даже в этом самом доме. Вон на стенках головы оленьи висят, это ведь что-то значит, правильно? Кто-то этих оленей стрелял, и не из рогатки, наверное?

Противоположная от входа стена почти полностью стеклянная. Слева лестница на второй этаж, который галереей идет по периметру гостиной вверху. Опять вскинув мооссберг, пошел туда, стараясь не скрипеть ступеньками. Двери, двери. За всеми дверями оказались спальни – одна побольше, с гардеробной, две другие поменьше, но все со своими ванными. Одна спальня в кабинет переделана. На столе фотографии детей, в разном возрасте, вроде как по мере

взросления снимали. Дети показались почему-то знакомыми, хотя я их точно нигде и никогда в жизни не встречал – я лиц не забываю.

На столе ноутбук. Какой-то крутой ноут, плоский совсем и очень уж широкоэкранный, я таких и не видел никогда. Странно. А так вроде все знакомо, «Тошиба». Попробовал нажать на кнопку питания, не надеясь особо на успех, и вдруг компьютер ожил. Зашипел тихо, раскручиваясь, жесткий диск, засветился экран, появилась заставка «виндоуз», причем непривычная. Пароля не было, меня сразу впустило на «рабочий стол», тоже какой-то нетипичный.

«Таскбара» внизу не было тоже. Я повозил мышкой по столу, подведя курсор вниз, и таскбар просто всплыл. Вот как. А затем я уставился на время и дату в правом нижнем углу – 2:43 PM, 12/22/2012.

– Чего? – спросил я неизвестно у кого. – Двенадцатый год?

А почему бы и нет, дошло до меня чуть позже. До этого я в прошлое провалился, почему бы на этот раз в будущем не оказаться? Я же вообще такой, нормально жить не могу, чистый Уэллс с его машиной времени. Ну да. Все нормально, я привычный уже. И сюда лучше, чем туда, уверен. Хотя бы потому, что тут... ну вот компьютер есть, например. Или еще что-нибудь, что тут в двенадцатом году может быть. А там, откуда я вырвался, ничего этого нет.

Правда, там были люди. А здесь я их не вижу, равно как и следов их недавнего присутствия. Впрочем, я там тоже далеко от людей вывалился, так что выводы пока делать рано. И вообще мне бы мою женщину найти, а там хоть вообще без людей, обойдемся.

Так, а это что за шкаф у стены, с глухими дверцами? Как-то не похож он на обычный, а скорее на замаскированный сейф. Что в нем?

Потянул дверцу – закрыто. Так, а что за ключ я подобрал? Так вроде подходит к скважине – две бородки хитрой формы, длинный. Попробовал всунуть в скважину – замок провернулся. Ну да, это только снаружи шпон и рейки, а внутри сталь, сейф самый настоящий. Потянул дверь, распахнул.

Теперь понятно, почему она оставила карабин. Тут только под винтовки с ружьями дюжина посадочных мест и полка под пистолеты. Другое дело, что

никакой дюжины здесь нет. Скорее всего после ее посещения и нет. Но и не пусто: что-то оставила.

На полке нашел тяжелый револьвер с темно-серой рамкой и светло-серым титановым барабаном. «Смит-вессон», модели не знаю, но калибр на стволе написан – «.44 магнум», и на рамке что-то вроде атома с электронами изображено, но вместо атома переплетенные буквы «S» и «W». Еще надпись «AirLite PD». Из дорогих, видать, с тритиевыми точками на прицеле, рукоятка хорошего дерева, увесистый, крупный, но вполне вписывающийся в разумные габариты. Рядом с ним кожаная кобура с ремнем, в ремне такие петли под патроны, в ковбойском стиле, и еще какой-то подсумок. Открыл – на ладонь выпали два черных скорозарядника на шесть патронов каждый. Покрутил в пальцах, прочитал надпись «Сафарилэнд». Так, а патроны?

Патроны оказались в нижнем отделении оружейного шкафа. Четыре черных коробки с надписью «Винчестер Экстрим Экс». Открыл одну, вытащил пластиковый поддончик, в котором стройными рядами стояли непривычно длинные и толстые патроны с серебристыми пулями.

– Ага, «пустоголовые», – прокомментировал я.

Это хорошо, такие убивают лучше всего. Взял один из скорозарядников, заполнил патронами, потом пару минут соображал, как их закрепить, все норовя повернуть головку. Но потом сообразил просто потянуть ее на себя – раздался щелчок, патроны разом выпрямились, прижатые пружиной. Так... теперь барабан револьвера откинуть и ввести патроны так, чтобы... ага... и дальше? Нажать кнопку? Не работает. Попробовал просто прижать скорозарядник к барабану и сразу же услышал щелчок: освободившиеся от зажима патроны скользнули в гнезда. Захлопнул барабан, вскинул оружие, примерился – удобно, прикладисто, но тяжелый все же. И я бы пистолет предпочел, но за револьвер тоже спасибо. И есть подозрение, что пистолеты здесь были – вон коробки, – просто Настя обнаружила их первой.

Застегнул на бедрах ремень с кобурой, натолкал патронов в гнезда, заполнил оба скорозарядника и спрятал в подсумок. Уже лучше.

Так, винтовка. Что-то вроде M16, в охотничьем камуфляже и без пламегасителя, с оптикой. Две двустволки. Все.

Потянул на себя камуфлированную винтовку, оглядел. Нет, на M16 это похоже мало, это покрупнее будет, под большой патрон. «Ремингтон Р25»... так, «Ремингтон Армз, Ю-Эс-Эй», «сейф-файр»... калибр какой, блин? Ага, на стволе снизу есть... выштамповано «.243 Винчестер». Так, нормально, патрон хороший, уважаю, хоть и не пользовался никогда, только из журналов о нем знаю, шесть миллиметров, пуля быстро летит, траектория настильная.

Под охоту винтовка сделана, не боевая. Ствол с долами и «коронкой», камуфляж тоже охотничий, по нему везде даже марка разбросана – «Мосси Оук». Прицел... прицел «бушнелл», с высокими «тактическими барабанчиками», сетка «мил дот», увеличение от пяти до пятнадцати. То есть совсем не охотничий, а очень даже снайперский. Немножко странно. Ремень есть, сошки есть, что еще надо? Надо патроны вообще-то.

Так, что с патронами? Нашлось четыре коробки и еще чуть-чуть. Мало. Очень мало. Это плохо. С магазинами ситуация лучше. Нашел один четырехзарядный, два десятизарядных и четыре двадцатизарядных, пластиковые. По маркировке, к слову, они под триста восьмой калибр, но это, наверное, все равно. Насколько я помню, двести сорок третий калибр из триста восьмого и сделали.

Набил патронами один десятизарядный магазин, попытался втолкнуть в приемник – не лезет. Толкнул раз, другой – ни в какую. Извлек, посмотрел – на верхнем патроне царапины. Уперся? Выбросил его, оставил девять – вошло без проблем. Попробовал сделать то же самое с двадцатизарядным – в тот все влезло без проблем и в винтовку воткнулось. Странно, но ладно. Ладно, так тоже сойдет, не принципиально. Что тут еще есть?

Есть двенадцатого калибра еще почти сотня патронов, все больше дробь некрупная, но есть штук двадцать с картечью... и десяток с пулей. Двустволки мне не нужны, а для моего моссберга пригодятся. Так, а чистить это все как? Что-то нет ничего...

Проблема решилась почти сразу, едва я начал осматривать шкафы в кабинете. Там и шомпола нашлись, и какие-то веревки с ершиками под названием «Vore Snake», то есть «ствольные змеи», и сольвент, и масло – все в порядке. Нашел еще один прицел, небольшой, «баррис», совсем не охотничьего, а военного вида, такой, из одного куска алюминия сделанный. Увеличение всего трехкратное, прицельная марка причудливая, «Т» в круге, подсвечивается красным и зеленым. Легкий, компактный. Ладно, потом разберусь, что к чему, а вообще

молодец мужик, что здесь жил, запасливый.

В довершение нашел увесистый нож с резиновой ручкой и черным лезвием. «Кабар», нож морской пехоты. В ножнах на пояс. Тоже пригодится, возможно, пусть будет.

Оставил все как есть, вооружился на этот раз револьвером и пошел шариться по дому дальше, в тишине, прислушиваясь разве что к легкому шуму ветра за окном и собственному дыханию.

Следующей комнатой после кабинета оказалась спальня, похоже, принадлежавшая подростку. Яркая мебель, плакаты, стереосистема, с виду какая-то странная, стол с компьютером, еще один плоский телевизор, висящий на стене. Под телевизором еще до черта всего наворочено, приставки какие-то. На полу несколько упаковок от лекарств, понятия не имею от каких болезней. Кровать смята, простыня скомкана. Покрутился в комнате, заглянул в не слишком просторную ванную, вышел.

Вторая спальня выглядела менее обжитой. Гостиная? Хотя... вон вещи набросаны. Женские. Джинсы, топы... кеды у кровати, размер маленький, точно женские. Простыни тоже измяты, в кровати спали и не заправили. Куда все делись? Опять как в Отстойнике, неизвестно куда? А почему бы и нет, не впервой такое видеть.

Тоже сунулся в ванную, зачем-то посмотрелся в зеркало, пошевелил ногой кучку женского белья, брошенную прямо на пол. Удивило количество упаковок от лекарств на столике. Потом пошел дальше. Странное ощущение, беспокоит что-то, а что – не пойму, из-за этого и оружия из рук не выпускаю, хотя уверен, что мне сейчас ничто не угрожает. Не угрожает, но вот как-то... неправильно здесь что-то.

Под ногами пружинящее ковровое покрытие, шаги совсем не слышны. Дверь чуть скрипнула, вышел на галерею, перегнулся через перила, глянул вниз – ничто не изменилось. Вон карабин мой лежит на столе, вон записка. Тихо-тихо.

Следующая спальня была большой, явно хозяйской. Кровать широкая, в деревенском стиле, туалетный столик, на нем, к слову, еще один ноутбук, большой телевизор на стене под потолком. На стенке возле зеркала несколько

фотографий в рамках. Осмотрелся, зачем-то сел на кровать. Пошевелил ногами, каблук уперся во что-то. Нагнулся – а там плоский металлический ящичек, явно к полу привинченный, не сдвинешь. Странный ящичек, ни ручек, ничего такого, только выемки... под пальцы, что ли? На среднем пальце окошечко... отпечатки считывает?

Пожал плечами, перехватив револьвер левой рукой, положил пальцы правой в выемки, провел – что-то пиликнуло, крышка отскочила на пружине, открывая внутренность. Опа, а тут у нас был пистолет... только сейчас нет. Два полных магазина лежат, по пятнадцать патронов в каждом, девятимиллиметровых. Посмотрел на магазины – снизу клеймо «глок». А самого пистолета нет.

Так, что-то я упустил. Что? Опять что-то неправильно.

Сел на кровать, положив магазины рядом, задумался.

Что меня напрягло?

Стоп, сейф... сейф на отпечаток пальца реагирует, насколько я понял, тогда почему он открылся? Нет, я понимаю, что всякое бывает, ленивый хозяин мог просто не ввести свои отпечатки в базу, или как там все это работает, вот сейф и открывается чьим угодно пальцем, по умолчанию, но... что-то еще, что-то еще здесь есть...

Встал, огляделся, подошел к столику. Уставился опять в зеркало на себя – вид вообще-то того... пришибленный какой-то. Затем взгляд перескочил на фото на стене. На первой же увидел двух детей и двоих взрослых. Стоят все вместе на каком-то причале, улыбаются, глядя в объектив. Двухтысячный год, на фотографии дата пропечатана. И это опять не Россия, уверен. Лица очень зна...

– Твою мать...

Я почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. Закружилась голова, звезды перед глазами поплыли. Чтобы не свалиться, вцепился в край столешницы с такой силой, что пальцы свело. Помотал головой – улыбающиеся лица с фото никуда не делись.

Это были мы с Настей. В двухтысячном. С детьми. А дети были похожи на нас – девочка на меня, а мальчик на мать, как обычно и бывает. Сдернул фото со стены, поднес к глазам – все верно, это я. Только в таком месте, в котором я никогда не был, и даже с такой прической, которой никогда не носил. Отбросил фото в сторону, схватил другое – опять мы, вдвоем, только... только тут я лет на десять старше, чем сейчас. И Настя старше. Детей на фото нет, но фона не узнать трудно – Елисейские Поля.

– Ой, мля...

Прибавил я малость с возрастом, хоть и не сильно. Седина, морщины уже появились, морда слегка обвисла. Нет, не кайф стареть... Стоп, это что, я сам себя встретить здесь могу? И опять же дети откуда? Мы с Настей до двухтысячного и знакомы не были... мы даже в разных слоях действительности существовали, и чтобы встретиться, нам потребовалось провалиться черт знает куда, в прошлое, причем неизвестно чье... а что сейчас?

Потер лицо руками, опять посмотрел на свое отражение, спросил:

– Скажешь-то чего?

Что же получается? Дети не приемные, это по лицам видно. Родиться после двухтысячного не могли, да и на том фото мальчишке лет пять, а девочке больше десяти. Получается, что в каком-то из бесконечного количества слоев действительности мы встретились раньше и поженились? А потом еще и детей наплодили, и в Америку почему-то уехали? Я не собирался туда вроде. Не было таких планов. И не «туда», а уже «сюда», получается.

А это вообще мы или просто... двойники, например? Двойники до отпечатков пальцев? Как так получается? Профессор Милославский, которого я не далее как час назад отправил к новому воплощению, когда-то сказал, что, возможно, мы дублируем каждую ничтожную единицу времени, оставляя в прошлом себя-прошедшего, но тот «прошедший» дальше живет своей жизнью, все так же дублируясь, и из всего этого получается бесконечное число вариантов действительности. И если мы, например, попадем в слой, в котором живет наше Я, с которым мы расстались секунду назад, то мы даже не заметим разницы, а вот если попадем туда, где нам было, скажем, два года, то разница может оказаться невероятной. Получается, что покойный профессор не врал?

Может, именно поэтому мы здесь? Настя не могла пойти со мной в мой слой, там ее не было, а в ее слое не было меня, может быть, и тогда открылся путь туда, в тот слой, где мы существовали вместе?

Существовали? Или существуем?

Мне почему-то кажется, что... в общем, место освободилось. И мы пришли в образовавшуюся пустоту?

Ох-хо-хо... Здесь что-то плохое случилось? Да уж наверное, иначе дороги бы чистили. Или все же, как в Отстойнике, просто мир «расслоился» и люди остались в другом слое? А сюда пришла Тьма, ни дна ей, ни крыши?

Ладно, чего гадать! Проверить все надо.

Кстати, и здесь сплошные лекарства. Как-то странно это все. Тут что, все болели?

Схватил с постели пистолетные магазины, бросился в коридор, оттуда в кабинет. Рванул верхний ящик письменного стола, зашарил в бумагах. Ну да, вот, выписка с банковского счета... «Грэнд Маунтин Бэнк», общий счет, «Vladimir Birukov, Anastasia Birukova». Еще вопросы? Ксерокопия водительского удостоверения штата Колорадо... день и год рождения – мои, морда на фотографии – моя. Так, а вот и само удостоверение. Крутил, крутил в пальцах маленький синеватый прямоугольник с фотографией улыбающегося меня – нет, все верно, разве что адрес явно не тот, к которому я привык. Бигхорн Корт, Грэнби, Колорадо. Как я вообще сюда угодил? И еще живу на пленэре, так сказать? На пенсию вышел?

Компьютер пока не отключился – заряд батареи был слабым, но все еще работало. Залез в меню, нашел «Мои картинки», начал открывать папки, помеченные датами. Все есть, даже свадебные фото, сделанные явно в Москве. Это поженились мы, получается... в девяносто шестом, так? Да, вот дата. Значит, все же встретились.

А вот она на аэродроме, еще в России. А это уже явно в Америке. И я с ней. Стрельбище, она, я, дети с нами, дети без нас. Горные лыжи, много фото с ними, а я ведь сниматься терпеть не могу. А тут любил, получается. Странно. Снегоход, мы на нем вдвоем. Интересно, снегоход свой? Это бы сильно помогло.

А еще квадроцикл на картинках.

Попробовал наудачу открыть браузер, но никакой удачи не случилось: интернет не работал. Выключил лэптоп, решив сэкономить остаток заряда: вдруг еще что-то понадобится. Заодно опять на ум пришел явный избыток лекарственных упаковок в доме. Не нравится мне это все, категорически.

- Ну и куда вы, то есть мы, делись? - спросил я, вставая с кресла.

Обшарил весь дом, обнаружив в гардеробной, что была в хозяйской спальне, кучу одежды почти что моего размера. По росту в самый раз, а вот в ширину можно бы и на размер поменьше. Но это ладно. Решив плюнуть на приличия - все равно у себя дома, получается, - переоделся во что-то вроде охотничьего камуфляжа утепленного, натянув на ноги совершенно потрясающие зимние ботинки, идеально совпавшие по размеру. Покрутился, попрыгал - нет, это не мэйд ин Отстойник, это как в сказку попал. Это настоящее.

Потом пошел в гараж, оказавшийся действительно очень просторным: места хватило не только на три машины, но и на мастерскую, причем с верстаком и станком для перезарядки патронов, и даже на тот самый снегоход «Поларис Уайдтрак», что я видел на фото, стоявший сейчас на автоприцепе. Нормальный такой снегоход, двухместный, с широкой и длинной гусеницей, для глубокого снега - то, что доктор прописал. Узнаю... себя. Да, себя. Случись мне выбирать снегоход - купил бы именно такой, не для дурной радости, а так, чтобы на нем куда угодно и желательно не в одиночку. Тем более что хозяин... я... другой я, в общем, еще и охотник. Как я. А на охоту тоже на таком лучше, еще и с грузом можно.

Ключи от снегохода искать не пришлось - висели на руле, две штуки. Я когда-то на снегоходе катался, помню что-то, а с мотоциклами я вообще на «ты» - так что должен справиться.

Квадроцикла не было, к слову, а помимо снегохода в гараже стояли большой пикап «форд», который сразу очень понравился, всю жизнь такой хотел, совершенно незнакомого мне вида «Гранд Чероки» и небольшой, странного вида автомобильчик «Тойота Версо» с надписью «гибрид» сзади. Ладно, что бы это ни было, но все машины не актуальны: снега слишком много. Только вот снегоход как раз, если заведется. Сколько он уже так стоит?

Стоп! Нужно электричество. Нужны дрова. Надо попытаться запустить генератор, для начала выяснив, есть ли в нем горючее.

Накинув найденную в моей гардеробной куртку, расцвеченную зимним растительным камуфляжем, для охоты самое то, выбрался на улицу, инстинктивно проверив, удобно ли тянуться к револьверу. Скоро темнеть начнет, пожалуй, надо торопиться, если не хочется батарейки в фонаре сажать и шариться в темноте. И это если с темнотой ко мне никто не придет.

По собственному следу погреб к лестнице, поднялся, дотопал до сарайчика, заодно похвалив найденную куртку, в которой и удобно, и тепло как в шубе. Генератор оказался обычным, не из самых новых, все знакомо, хоть и куда мощней моего, а в сарае стоит потому, что подсоединен к дополнительным бакам. Постучав по большим цилиндрическим емкостям, обнаружил, что одна из них точно пустая, а во второй что-то есть.

Сам генератор запустился сразу, зарычал басовито дизелем, загорелись сигнальные лампы. Нашел табличку с расходом топлива, посмотрел на датчик уровня – получается, что часов на тридцать у меня электричества, если в доме все подряд не включать. Немного, вообще-то. Кстати, его кто-то вручную выключил – обычно такие электростанции включаются сами тогда, когда в сети исчезает напряжение, и так же сами выключаются, когда электричество есть. А этот выключили рубильником, так, что сам он уже не включится. Экономили топливо? Может быть.

Так, ток есть, свет есть, теперь дрова. Я видел электрические печи в доме, но не хочу грузить генератор. А так можно камин топить – он с виду толковый, из тех, что и вправду тепло дают, не только «домашний уют». И в камине можно готовить еду. Которой у меня нет. Наверное.

Добрался до гаража, вытащил оттуда сани-прицеп для снегохода. Постараюсь дров по максимуму притащить: без санок никак.

Кое-как дотолкался до сарая, к боку которого прижалась немалых размеров поленница. Бросил несколько дровяшек в сани, затем остановился.

– А что в сарае? – спросил сам себя. – Дай гляну.

Дверь в сарай была завалена снегом чуть не до половины, но я заметил, что метрах в десяти от меня из-под снега торчит нечто до крайности напоминающее черенок лопаты с поперечной ручкой.

- Тебя мне и надо, - пробормотал я, направляясь в ту сторону.

Когда выдернул лопату из снега - обычную, для копания земли, штыковую, обратил внимание на три установленных вертикально доски. Похоже даже, что стенки от какой-то мебели. Странно: кто так будет доски в снег втыкать?

Подошел ближе, присмотрелся, потом как бешеный начал откидывать снег от досок, быстро выяснив, что они вкопаны в землю. А еще на трех из них были вырезаны, кривовато и грубо, имена:

«Дима»

«Света»

«Настя»

Перед четвертой доской снег просел, словно под ним была яма. Чувствуя, как у меня перехватывает дыхание от жуткого предчувствия, начал выбрасывать снег из ямы.

2

Когда я ввалился в дом, весь мокрый и перепачканный глиной, со стертыми до мозолей руками, было уже темно. А еще меня трясло так, что зубы стучали. И не от холода, и даже не от страха, а от жути самого момента - я увидел мертвого себя.

Доски с именами стояли у могил, я расчистил это место от снега. Три холмика, заботливо утрамбованных и даже как-то огороженных. Имена детей и... Насти на досках. Четвертая могила была не зарыта. На дне я обнаружил сильно разложившийся и подмерзший труп, в котором все равно узнал себя. Безусловно

узнал, сразу. И не только узнал, а даже почувствовал, рванул назад от открытой могилы, потому что мне показалось, что я сейчас свалюсь туда и останусь рядом с ним... или со мной. С тем, кто там, кого я чувствую, вместо кого я здесь.

Теперь все стало понятно, куда они-мы делись, что здесь случилось. Уже позже, включив второй лэптоп, тот, что в спальне, я прочитал нечто вроде дневника, написанного настолько моим слогом, что я не мог отделаться от впечатления, будто я сам и есть его автор.

Пришла Болезнь. Пришла подло и хитро, с инкубационным периодом в несколько месяцев и со страшной вирулентностью. Когда люди начали болеть и умирать по всему миру, реагировать было поздно, незараженных почти не осталось. Это была Суперкорь, перед которой померкла страшная Великая Чума прошлого. Суперкорь была страшна не сама по себе, хотя и она не была подарком. Но она приносила с собой энцефалит. Почти всегда. Жар, галлюцинации, страшная головная боль, с которой не справлялись никакие болеутоляющие, и человек сгорал за две недели. Неделя просто кори, потом две недели тяжелых мучений. Иногда быстрее. Иногда агония длилась дольше.

Сначала умерли дети. Никто уже никого не хоронил, трупы просто забирали, если было кому и у кого забирать, и сжигали в мусорных печах. Поэтому Он-Я сам копал им могилы во дворе. Потом долго умирала Она-Настя, потерявшая всякое желание жить после смерти детей. Сначала умер сын, следом за ним дочь, в последней иррациональной надежде приехавшая из Калифорнии, словно рассчитывавшая на то, что родители смогут защитить ее. Затем он похоронил жену. У самого же Его-Меня оказался иммунитет, он не заразился. Несколько дней он ходил по опустевшему дому, перебирал их вещи, смотрел на фотографии. Потом вышел во двор, выкопал могилу рядом с ними, лег в нее, кое-как прибросав себя землей, и пустил себе пулю в висок, решив уйти следом. Потому что без них жизнь для него потеряла смысл. Пистолет так и остался в руке. К тому времени как я Его-Себя нашел, лицо уже обклевали птицы, а вот слой глины никто не разрыл. Я похоронил Его-Себя окончательно, не тронув, правда, доски над могилой, потому что просто не знал, что на ней написать. Странно писать на своем могильном памятнике.

И тогда то, что прокладывает Пути между слоями, ощутило эту смерть и эту пустоту – и затянуло сюда Настю. А я уже прошел по ее следам и тоже заполнил опустевшее место в этом мире. Теперь, после всего случившегося со мной ранее, легко это понять.

Свет в доме был, хоть я и старался экономить энергию. Оба найденных ноутбука сейчас заряжались. Горели дрова в камине, к которому я подтащил поближе диван. Еда в доме отсутствовала совсем, но я нашел пару пачек чаю и сахар, так что обойдусь сегодня, не проблема.

Снегоход не завелся – сел аккумулятор, – но в гараже нашелся зарядник-пускатч от сети, так что к завтрашнему дню с этим все должно быть в порядке.

Самым слабым местом в доме была безопасность. В Отстойнике я уже привык к тому, что на всех окнах есть решетки, а здесь не было ничего. Огромные окна, хлипкая дверь, которую я просто запер на ключ. Пойти на второй этаж? Там будет холодно или придется включать электропечку. Но спать рядом со стеклянной стеной первого этажа было еще страшнее, поэтому я дождался, пока прогорят дрова в камине, хоть как-то нагрел большую комнату, а сам ушел наверх, в хозяйскую-свою спальню, перестелив там белье на кровати. После чего включил обогреватель, забаррикадировал дверь комодом, положил рядом москбег, снаряженный пулевыми патронами, и сунув револьвер под подушку. И попытался уснуть.

Сон пришел только ближе к утру, когда почти что начало светать. Пережитый днем кошмар превратился в табун мыслей, не дававших успокоиться ни на минуту. Я то читал дневник, то пытался копаться в гардеробной, подбирая одежду, то вновь ложился, прилежно закрывая глаза и надеясь на то, что сон придет сам, – и так до утра.

Проснувшись, глянул на часы и понял, что проспять получилось не больше пары часов.

– Ну и хрен с ним, – сказал я вслух, поднимаясь с кровати. – Делом тогда надо заниматься, делом.

Это помогло: дурные мысли немного отступили. Отключил генератор прямо из дома, обнаружив тумблер на распределительном щитке, затем напоил себя чаем с сахаром, нагрел чайник в камине, оделся. Эта версия меня, пусть и старше, но все же осталась мной. В гардеробе нашлась куча одежды – хоть для охоты, хоть для рыбалки, хоть для катания на снегоходе. Даже для горных лыж была прорва всего, но вот как раз лыжи мне и не нужны. К своему удивлению, никакого дискомфорта от того, что шарю в чужих вещах, я не испытал. Просто потому, что

не получалось считать эти вещи чужими: они были именно что мои. Разве что брюки приходилось чуть сильнее утягивать ремнем.

Я влез во вчерашний охотничий камуфляж, подпоясался ремнем с кобурой, накинул на плечо патронташ, который тоже нашел в кабинете с оружием, а дробовик закинул за спину. Заодно прихватил из кладовки самые настоящие снегоступы «Таббс», которые нашел рядом с лыжами. Их тут было пар шесть – явно он любил по снегу погулять, и не только он. Я бы тоже любил, живи в таком месте. Где в России так устроишься? Или дом без присмотра не оставишь, или живи в городе.

Снегоход сегодня завелся сразу, «с полтычка», заурчав мотором. Убедившись, что прицеп установлен прочно, я аккуратно съехал с него, проскрежетал лыжами по гладкой плитке пола, после чего рывком въехал на снег, наметенный к гаражу. Нормально. Оставив снегоход работать на холостых оборотах и подцепив к нему сзади грузовые сани, запер ворота гаража изнутри, после чего вышел из дому через дверь, тоже не забыв ее запереть. Людей пусть нет, но кто знает? Я даже найденное оружие спрятал с глаз долой, на случай если кто-то придет в мое отсутствие.

Утилитарник с его широкой двадцатидюймовой гусеницей легко ехал по поверхности снега, почти не проваливаясь. Я не торопился, старался не разгоняться вообще – кто знает, что там будет дальше, за первым поворотом, например?

Подъездная дорога вывела меня на дорогу поглавнее, точнее – на то место, где под снегом угадывалась дорога, вихлявшая в объезд пологих холмов. Таких домов, как у меня, здесь оказалось немало, просто строились они просторно, земли не жалел никто. Хотя в основном домики выглядели попроще, мой был посерьезней, если присмотреться. И нигде никаких признаков жизни: ни дымов из труб, ни следов – ничего вообще. Машины у гаражных ворот, засыпанные снегом, пустые окна домов, серое пасмурное небо над головой. На некоторых домах краской из баллончиков нарисованы косые кресты с цифрами, на некоторых не было ничего. Что означают цифры – понятия не имею, но уверен, что это следы какой-то правительственной активности во время эпидемии.

Дорога привела меня к перекрестку с указателем «Форрест Драйв», там я задумался. Налево вдалеке видны горы, так что думаю, что там искать людей неразумно. Вправо дорога тоже шла вверх, но уверен, что ненадолго, потому что

там явно была долина.

– Города строят в долинах, – почему-то уверенно сказал я самому себе и свернул направо.

Звук мотора был странно громким, потому что мир в этом месте накрыла мертвая тишина. Казалось, что меня слышно до самого горизонта. С неба понемногу срывался снежок, обещая вскоре превратиться в самый настоящий снегопад. Пока у дороги видны были только дома, все сплошь бревенчатые, явно выстроенные недавно. Похоже, тут новый девелопмент, новая застройка. И подозреваю, жили здесь люди все больше сезонно, приезжая кататься на лыжах и встречать Рождество. Легко представить себе рождественскую елку в том доме, в котором я провел ночь, семью за столом... а не в могилах во дворе.

Проехал указатель с надписью «Хэдуотерс Гольф Клуб», затем увидел пару двухэтажных корпусов, прижавшихся к склону. Решил, что это маленькая гостиница, и, похоже, угадал – тут же попалась стрелка, указывающая на «ресорт менеджмент». Туда я и свернул, надеясь разжиться картой этих мест. В доме я ничего подобного не нашел, а навигаторы в машинах были несъемными, с собой не возьмешь. Да и летают еще спутники, интересно?

Указатель привел меня к уже привычного вида бревенчатому дому, возле которого стоял заваленный снегом серый пикап. По-прежнему не видно чьих-нибудь следов, пустота. Я подогнал «поларис» к самому крыльцу, заглушил двигатель, посидел немного, прислушиваясь. Никаких звуков, ничего.

Сняв с плеча ружье, слез со снегохода, неторопливо поднялся на крыльцо, протапывая дорожку сквозь засыпавший его снег. Постучал в дверь, прекрасно понимая, что никакого смысла в этом нет. Подождав, подергал ручку и убедился, что здесь заперто.

– И хрен с ним, – сказал я, подразумевая не дверь, а тот шум, который сейчас произведу.

Отступив на шаг, выкинул из патронника пулевой патрон и воткнул на его место другой, с мелкой дробью. Затем прицелился примерно туда, где, по моим прикидкам, должен был располагаться язык замка, и выстрелил.

Громыкнуло как-то не впечатляюще – все же на воздухе. В непрочной деревянной двери появилась здоровая дыра, брызнули щепки, я зажмурился за стрелковыми очками, в чистом холодном воздухе запахло порохом, а я подумал, что на такую даже патрон было грех тратить, надо просто ногой вышибать. И пнул возле ручки. Хрустнуло, дверь распахнулась настезь.

Большая комната первого этажа была похожа на холл гостиницы – деревянная стойка, диваны у стены, в углу автомат по продаже всяких «снэкс». Я пару раз саданул прикладом по стеклу, осыпавшемуся звонким водопадом на пол, после чего выгреб с полочек пакетики с какими-то сладостями и подобную ерунду. Разорвав пакетик с орехами в шоколаде, я чуть не половину его содержимого высыпал в рот, начав яростно пережевывать. Остальное свалил в привезенный с собой полиэтиленовый пакет и поставил возле двери – потом прихвачу.

Карты тоже нашлись – возле стойки была этажерка с рекламными буклетами и этими самыми картами, а за стойкой я нашел толстенный том дорожного атласа «Трипл Эй».

– Неплохо! – сказал я самому себе, разворачивая туристическую карту.

Вскоре я убедился, что направление выбрал верно: впереди городок Грэнби, – а вот если бы я свернул налево, то просто ехал бы в гору по пустынной дороге. Поводив пальцем по схеме дорог, примерно нашел то место, из которого выехал, и нарисовал там кружок. А то так еще и заблудишься на хрен.

Отодвинул ящик стола и с удивлением обнаружил в нем револьвер – короткий пятизарядный «Таурис Ультра Лайт» со скрытым курком, в смысле такой, из которого только самовзводом палить, под калибр «.357 магнум». Барабан был полон, рядом нашлась початая коробка патронов, в которой как раз пяти и не хватало. Ну да, Америка, да еще и Колорадо, чему тут удивляться? Это я с непривычки.

Упрятав трофей в рюкзак, взялся шариться по шкафам, найдя еще здоровенный аккумуляторный фонарь с ручкой и зарядник к нему. Знаю я такие, у меня в Москве подобный был. Светит как зенитный прожектор, далеко и ярко.

На втором этаже дома оказались жилые комнаты – похоже, здесь жил менеджмент, а то и владелец, – но ничего полезного не нашел. Холодильник в

маленькой кухоньке был совершенно пустым, только в двери нашлись две большие неоткрытые бутылки кока-колы, которые я тоже прихватил с собой, одну открыв по дороге, – благодать-то какая, я колы с момента своего прошлого провала не пил. Вроде никогда и не любил, а вот на тебе, аж застонать хочется от удовольствия.

«Поларис» неторопливо развернулся и понес меня обратно к Форрест Драйв, где я вновь свернул направо, собравшись проверить город. Если люди и есть, то там, наверное.

Дорога, а точнее, та часть снежной целины, которая угадывалась как таковая, перевалила через пологий увал и пошла вниз, открыв вид на долину. Правда, вид был так себе, все затянуто дымкой, скорее даже не слишком плотным туманом.

Не проехав и километра, я увидел по правой стороне длинное, даже очень длинное трехэтажное здание из красноватого кирпича, в котором легко угадывался отель. Свернув к нему, я оказался у подъезда с длинным, заваленным снегом козырьком, на котором прочитал: «Инн эт Силверкрик», «Гостиница на Серебряном ручье». Романтичненько.

Если есть гостиница, то может быть и еда. На ресторанной кухне хотя бы. Спагетти какие-нибудь в пакетиках должны были бы сохраниться, как мне кажется. Или что-то в этом духе. Снегоход с прицепом неторопливо заехал под козырек и остановился. Ружье уже привычно переместилось из-за спины в руки.

Раздвижные двери были открыты, в холл намело немало снега. Огромное двухсветное помещение, кремовые стены, пол покрыт серо-голубым ковролином. Два чучела медведей – гризли и почему-то белый. Намек для туристов на то, что тут даже такого можно встретить? Или оформитель в столь мелкие детали не вдавался? Простенькие диваны, обитые грубой тканью, световые люки в крыше. Пустота, слышно, как посвистывает ветер: сквозняк здесь сильный.

Надеясь, наверное, найти еще один револьвер, зашел за стойку, открыл все ящики, но ничего полезного не обнаружил. Ладно, пошли в ресторан, вон двери напротив.

Ресторан рестораном не выглядел – скорее тянул на столовку с претензиями. Стулья с виниловой обивкой на металлических каркасах, одноразовые скатерти на столах, в углу банкетный стол унылого вида. Потолок на уровне третьего этажа вовсе не «создает ощущения открытого пространства», скорее вызывает подозрение, что ресторан организовали случайно, по проекту здесь было что-то другое.

Со столов не убрано. Не со всех, а только с некоторых: похоже, кто-то здесь ел... сам по себе, что ли, официанты не обслуживали. Ни сервировки, ни чего другого. Вот остаток бургера, вон пустая бутылка из-под виски, вон вскрытая коробка какого-то печенья. Кто-то из персонала здесь питался? Может быть.

Где кухня? Вон там, похоже, за той дверью в дальнем углу. Посмотрим.

Дверь отворилась от толчка, пропуская меня в полутемное помещение. Запах тут какой-то есть, несмотря на холод. Ну да, эпидемия началась летом, что-то наверняка успело полежать и на жаре, до того как подмерзло. Где искать? Так, это комната-холодильник – похоже, что от нее дерьмом и потягивает. Заглянул в окошко, забранное толстым стеклом, подсветил фонариком – точно, там мясо. Было. То, что есть теперь, мясом точно не назовешь. Это хорошо, что туда дверь так плотно закрывается, как мне кажется. А вот к лету все заново оттаяет, и дверь небось сорвет воню как крышку с банки.

Шкафы, шкафы... В одном нашел десяток упаковок булочек для гамбургеров. Причем на ощупь они оставались идеально мягкими. Посветил, посмотрел – все верно, никакой плесени, даром что полгода пролежали. Вскрыл один пакет, отщипнул кусочек, попробовал – действительно нормально. Это сколько в них всякой химии, интересно? Ладно, жрать все равно нечего, сойдет. Затолкал в большой плотный мусорный пакет, поставил его на пол.

Спагетти в кладовке тоже нашлись, самые обычные, из тех, что в супермаркетах продают. Немного, шесть упаковок всего, но нашлись. Никакой «домашней пастой» тут посетителей не баловали, похоже. Белого медведя выставили, макаронами из пакета покормили – иди катайся на лыжах своих, иначе зачем сюда приехал?

Потом в мешке исчезли две пластиковых бутылки оливкового масла, упаковка соли, сахар, несколько пачек кофе в зернах. Все остальное было безнадежно

испорчено, а консервов в ресторанах не хранят, насколько я понимаю. Потом потоптался в холле, думая, не проверить ли комнаты, но потом решил, что ничего нужного я там точно не найду. Поэтому выволок мешок наружу, закинул в сани и поехал дальше, к городу.

Дорога влилась в шоссе номер 40, если верить указателям, потому что сама дорога, или шоссе, была для меня все тем же условным понятием: снегоход ехал по целине. Почти сразу после поворота я увидел слева от дороги длинное приземистое здание с красными буквами по фасаду «Городской рынок» и большую стоянку перед ним.

- А стоит поглядеть, - сказал я, поворачивая снегоход с дороги.

Стоянка была почти пустой - лишь несколько засыпанных снегом машин. Почти у подъезда торгового центра стоял военный грузовик, избитый пулями так, что был похож на решето. Кузов под край был завален чем-то, чего я не мог разглядеть под накрывшим снегом. Когда подъехал ближе, увидел в кабине труп водителя, одетого в армейский камуфляж. Труп был в плохом состоянии - его и птицы поклевали, и разложился сильно. Но запаха не было: мороз.

Не сдержав любопытства, я подъехал к борту машины и, встав на заднее колесо грузовика, прямо рукой смахнул снег с груза. И чуть не свалился назад, поняв, что лежит в кузове: он был под край заполнен черными пластиковыми мешками с телами. Соскочив с машины, я отбежал назад, испуганно заозиравшись.

Вот так, только сейчас дошло, что здесь действительно было бедствие, пандемия, эпидемия, забыл, как оно правильно называется. Люди здесь вымерли, а не уехали в отпуск. И вот здесь, в кузове, те самые люди. Которые умерли. И так везде, по всей земле, не только здесь, в Грэнби, штат Колорадо.

Заходить в открытые двери торгового центра стало как-то жутковато. Хоть там и не было темно, а так, полумрак, включил свой «маглайт», взяв в другую руку револьвер.

Здоровенный такой супермаркет. Ряд касс. Перед кассами на полу гильзы, много гильз, в основном одинаковых. Поднял одну, посмотрел на донышко - пять пятьдесят шесть, военный стандарт, похоже.

Из одного прохода видны чьи-то ноги, неестественно вывернутые. Подошел ближе, почему-то стараясь шагать как можно тише, заглянул – ну да, давно умер. Убит, точнее: вся одежда на груди слиплась от бурой крови. И тоже разлагался, даже натекло с него, но теперь все замерзло. Спасибо морозу, а то бы здесь такое было...

Через соседний проход вошел в торговый зал, огляделся. Справа какая-то электроника, всякие кофеварки с телевизорами, продукты слева. Мясной отдел, в котором мясо превратилось в серые, жуткие на вид глыбы, сейчас замерзшие. На них даже черви замерзли, кажется. Но вонь все равно есть, хоть и не убийственная, как могла бы быть. По магазину сильно прошлись, кажется, но всего не вывезли, много просто развалили.

Дальше в зале нашел еще два трупа, один в полувоенной форме, с пустой кобурой на бедре, второй труп женский, без одежды. Оба обгрызены, внутренности выедены, и на конечностях следы зубов явственно видны. Хищники приходили? Одежда женщины нашлась неподалеку, за стеллажами с одноразовой посудой, то ли сорванная с жертвы, то ли срезанная, я не разглядывал специально. Вспомнилась фраза, которую я прочитал в своем дневнике:

«Паника. Была невероятная паника. Карантины. Войска на улицах – ничто не помогло, потому что было уже поздно, заражены были почти все, включая тех, кто должен был стоять на карантинных заставах. А может быть, даже все, я не знаю. Болели везде. Смертность составляла, как теперь сказали, девяносто процентов. Заболевшие, зная, что они обречены, творили безумства. Не все, разумеется, но очень многие. Стреляли повсюду. Горели дома. Убивали друг друга на каждом шагу. За кривой взгляд. За слово, за бутылку, просто так. Дезертиры, мародеры, бандиты, безумцы – все выплеснулось сразу, как грязная вода из перевернутого ведра, разлилось по всему миру, от одного его края до другого, испачкав все и осквернив.

Как ни странно, но власти умудрялись сохранять какую-то структуру, за ними чувствовалась железная рука, но пользы от этого не было никакой – что толку в порядке, если его становится невозможно поддерживать, потому что все умерли? Среди кого его поддерживать? Кордоны стояли посреди пустеющих городов, а в них стреляли из окон, грузовые машины вывозили завернутые в полиэтилен трупы на мусоросжигательные заводы, где они обращались в черный дым, но все это было бесполезно».

В это веришь. Легко. Даже здесь старались больше испортить, чем взять.

Мне удалось наполнить разными консервами тележку, которую я покатию по проходам на улицу, не выпуская «смит-вессона» из руки. Ничего не взял с полок, потому что все валялось на полу. И там еще очень много всего на полу, для меня точно хватит.

За две ходки загрузил сани и заднее сиденье снегохода. Можно бы еще взять, да боюсь, что будут проблемы на глубоком снегу. Завтра. И город я разведу завтра, а сейчас отвезу добычу обратно. Теперь уже точно не пропаду.

3

По пути к дому увидел стаю собак – с десятков голов самых разных пород, стоявших в поле и смотревших в мою сторону. Сначала отмахнулся – что мне, вооруженному до зубов, какие-то ледащие дворняги, – но потом представил, на чем эти собаки откармливались, и сплюнул. Была бы винтовка с собой – попытался бы подстрелить хотя бы пару, но для дробовика они были далековато. И мысленно сделал себе пометочку, что таких стай надо опасаться. Заодно, похоже, появился ответ на вопрос о том, кто обгрыз все трупы в супермаркете.

Не заблудился, естественно: по своим же следам и доехал. Снегопад немного усилился – подумалось, что завтра придется кататься вообще по рыхлому свежаку. Хорошо, что хоть какую-то тропу сегодня накатыл.

Никаких новых следов у дома не появилось, снег не обманывает. Завел снегоход с нартами в гараж, неторопливо его там разгрузил, радуясь тому, что появилась еда. И не только: я еще несколько бутылок хорошего коньяку прихватил, выбирая те, где маркировка «ХО». Никаких особых изысков в этом почти что сельском супермаркете не нашлось, но тот же «Хеннеси» – пожалуйста. А мне сейчас вполне сойдет.

Повозившись недолго в мастерской, соорудил нечто вроде таганка для камина, просто свинтив его из металлических планок. Не до красоты: зато и чайник на него встанет, и кастрюля. Потом разжег огонь и поставил на него кастрюлю,

набитую свежим снегом.

Атлас был действительно подробным, пожалуй, даже слишком подробным по моим потребностям. Мне нужно было просто определить, как ехать на Денвер. Выходило не так много дорог, а если конкретно – то всего одна. Денвер по другую сторону Скалистых гор, туда перевалами. И если честно, сама мысль о путешествии через горы вызывает у меня глубокий пессимизм. Если я здесь, в предгорьях, почти что на равнине, перемещаюсь только на снегоходе, то как будет там? И ведь чем выше, тем больше будет снега, насколько я понимаю. И еще там два туннеля – в Айдахо Спрингс и в Эвергрин. Что сейчас в этих туннелях?

И с туннелями еще моментик: я туда просто не полезу. Вообще. Потому что там темно, а там, где темно, может завестись Тьма. И тогда будет как в той шахте, что у городка Красношахтинска из прошлой моей жизни. И даже если Тьмы здесь нет, я все равно не полезу. Потому что она может быть. Что делать?

Так, я вчера видел фотографии Насти-бис возле самолета. Небольшого такого симпатичного самолетика, из чего сделал вывод, что она летает на нем для удовольствия: для бизнеса он слишком маленький. Могла она догадаться, что это ее самолет? Могла полететь на нем? Вполне. Точнее даже скажу, что будь я ею, так бы и сделал: ей летать, кажется, проще, чем ходить. Где мог быть ее самолет?

Карта подтвердила записку – в Грэнби есть аэродром. Уверен, что если я покопаюсь в бумагах, то найду какие-то упоминания о самолете. Собственном самолете. Но Настя, как мне кажется, была здесь до снегопадов, иначе снегоступы не висели бы так аккуратно в кладовке и снегоход не выглядел таким нетронутым. А вот как мне? Аэродром сейчас засыпан, не взлетишь, а если и взлетишь, то где сядешь? Лететь до теплых краев? Боюсь, что не получится. Если какой-то совсем маленький найти, вроде того с фотографии, но опять же... это по теплу можно просто на дорогу сесть или на любое поле, а сейчас? С лыжами их тут, поди, хрен найдешь.

Но вообще проверить надо, так что я записал себе в блокнот «проверить аэродром» первым пунктом в план на завтра. Чем черт не шутит! Хоть и более чем сомнительно.

Ну ладно, дальше что? А дальше ничего, надо проверять город, а там уж как вывернет. На обратном пути завернуть в супермаркет и еще с пола всякого пособирать: банок было еще много. А то вдруг оттепель – и туда небось уже не войдешь, прямо на пороге сдохнешь от вони.

Кстати, думаю, что ночевать можно и здесь, у камина. Не видел я никаких признаков Тьмы здесь сегодня, только собаки, но те не прорвутся через стекло. Зато топливо в генераторе экономиться будет, а дров много. И если честно, то их даже очень много: тут почти у каждого дома по поленнице, грузы в нарты и привози.

Стоп, топливо тоже привозить можно, наверное. Было бы в чем. А в супермаркете ничего подходящего не было? Должно быть. Хотя бы вода в больших банках, да и просто в хозяйственный отдел надо заглянуть. Точно. Мог бы и раньше сообразить.

Потянувшись к блокноту, лежащему на кофейном столике, записал: «Поискать канистры». Подумав, добавил: «Бутилированная вода, не хрен снег топить».

Вода в кастрюле, к слову, закипела, и я высыпал туда половину пачки спагетти, тщательно умяв их ложкой и перемешав. Глянул на упаковку – восемь минут варить. Значит, десять: пусть разварятся немного, получится больше и сытнее. Покопавшись в мешке, нашел банку с консервированными сосисками, открыл, понюхал – вроде нормально, есть можно. Нет, банка не вздутая, просто вопрос съедобности самих сосисок рассматривался. Сойдет, сожру.

Взгляд упал на прислоненный к дивану «ремингтон». Кстати, эта винтовка на сколько метров пристреляна? В принципе, на дистанциях до трехсот, например, это не шибко важно, но дальше станет критичным. Я бы завтра эту винтовку вместо дробана прихватил. Если собаки увяжутся, то дробан станет оружием сугубо оборонительным, а вот хорошая винтовка с хорошим прицелом – уже наступательное. Я их тогда и вовсе извести смогу. Нет, я понимаю, что любовь к животным и все такое, но я обгрызенные трупы уже видел. Это больше не те собачки, которых хочется любить.

Так, что у нас за патроны? «Винчестер», пустоголовые с баллистическим наконечником, девяносто пять гран. Не «боуттейл», так что не для дальней стрельбы. Хотя на те же триста должны бить отлично, даже так видно, что

дорогой патрон.

Если винтовка для охоты использовалась, думаю, что пристреляна метров... нет, ярдов на сто, тут все в ярдах. Но не поручусь, надо бы проверить. Сейчас и проверю. Дальномера нет, не нашел, но видел большую рулетку. Отмерю пятьдесят, прямо во дворе, и поправочки сделаю. А мишени у меня есть – как раз под пристрелку, с пятью центрами. Если винтовка пристреляна, то справлюсь легко.

Значит, так, сколько тут от оси ствола до линии прицеливания? Сбегал в гараж за штангенциркулем, который, к счастью, был и в сантиметрах, и в дюймах размечен, замерил. Вышло шесть сантиметров ровно. Многовато вообще-то, но тут уже конструктивные особенности системы Стоунера мешают прицел ниже ставить: приклад совсем прямой и высоко стоит.

Так, если эти линии встречаются на ста ярдах, а траектория у такой быстрой пули на столь короткой дистанции должна быть почти прямой, то, условно, на половине дистанции превышение точки прицеливания над средней точкой попадания должно быть каким? Правильно, сантиметра три. Примерно.

Так, а если бы я рассматривал эту винтовку не как охотничью, а как... боевую, условно, то на какую дистанцию пристреливал бы? На триста. Потому что для нее самая дистанция – это до пятисот. Или даже шестисот, если умеючи. Вот и брать надо серединку.

Так, стоп. А если винтовка пристреляна на триста, например, то где будет ближний ноль? А вот не на ста ли ярдах, тоже так примерно, а? На три сотни пуля уже по дуге полетит, пусть и кривоватой из-за потери скорости, но именно по дуге. Дальний ноль как раз триста, а ближний... хм.

Так, а компьютер-то, компьютер! Наверняка там какой-то баллистический калькулятор есть. У меня был, например.

Засуетился, побежал вверх, в кабинет, спустившись оттуда с парой мишеней и ноутбуком. И действительно, минут через двадцать поисков нашел программу на русском языке, с большой базой патронов. Нашел даже вот этот самый, который тут у меня, обозначенный как Winchester SBST243A. Прошелся по данным винтовки, меню «Зарядить» и «Вычислить!», вследствие чего обнаружил, что

если винтовка пристреляна на триста, правда метров, а не ярдов, то ближний ноль будет на двадцати восьми метрах. А на пятидесяти пуля пойдет выше точки прицеливания. А на двести метров или больше чем на триста эту винтовку никто прицеливать не будет. К тому же стандартная длина стрельбища, где этим обычно занимаются, как раз бывает сто и триста. Ну, примерно разобрался.

Потом притащил из гаража рулетку с лентой на двадцать пять ярдов и со всем этим побежал во двор, где уже успел пробить тропинки.

Стрелять пришлось с террасы в сарай для инвентаря: до него пятьдесят шесть ярдов оказалось. Уже несущественная погрешность, учитывая, что калькулятор в метрах. Стрельнул три раза, положив винтовку на перила, пригляделся в прицел. Три дырки легли немного выше центра и чуть правее, но сейчас ветер сильный, так что не надо поправок. Значит, можно смело предполагать, что винтовка пристреляна на триста. Кстати, сама стрельба понравилась. Отдача мягкая и прямолинейная, цель даже не теряется. Оружие практически не подпрыгивает.

Кстати, не мешало бы и маленький прицел проверить, но больно уж патронов мало. С другой стороны, случись воевать, больше потеряешь с непристрелянным оружием. Хотя вряд ли оно не пристреляно, я бы такое в шкафу не держал. А он? А он тут при чем, когда это я.

Так, и еще моментик: в гараже на верстаке стоит такой синенький станок для перезарядки патронов. А я не видел ни гильз, ни пороха, ни пуль. Стоп-стоп-стоп... где я еще не рылся? А вот там, в мастерской, я толком и не рылся, только инструмент с крючьев снимал. И кому я тут стою? Вперед, бегом марш!

Металлический шкаф оказался заперт, но тут я беречь его не стал, сорвал навесной замок гвоздодером, безжалостно выдрал при этом петли. Ну вот, так куда лучше! Гильзы, гильзы в больших пакетах, белые – оцинкованные, что ли? «Ремингтон» под «двести сорок три»... а заодно и под «триста восемь», и под «двести двадцать три» тоже есть, а вот оружия такого нет. Настя забрала? Возможно. Пули... ага, для камуфляжного «ремингтона» пули разные, все сплошь производства «Сьерра», «Матч Кинги» по семьдесят гран и охотничьи стограновые «Гейм Кинги». Было много пороха и капсулей, так что... боекомплект будет что надо. Узнаю себя.

Пошарив в коробках, нашел наборы для перезарядки только винтовочных калибров – для пистолетов не было ничего. Еще бы руководство найти, узнать, сколько пороху идет в навески: экспериментировать нельзя.

Руководства нашлись, как раз на упомянутые три калибра: голубые книги с изображением донца гильзы. Нашлись в кабинете, уже после того как я, умаявшись переворачивать гараж, сообразил, что книг здесь хранить никто не станет. К тому времени как я засел за переснарядку патронов, уже почти стемнело, так что я плюнул на экономию и оставил генератор включенным, решив заодно снаряжать и «двести двадцать третий»: пусть будет – вдруг найдется что-то под него?

Потом опять задумался над наличными прицелами. Думал, думал, медленно попивая коньяк из большого бокала. Так, у небольшого трехкратного прицела вместо колец быстросъемный «маунт», то есть кронштейн, и то есть прицел рассчитан на быструю установку.

Увеличение не регулируется – трехкратка, и все тут, но прицельная марка яркая и видна отлично. С этим прицелом, например, увеличением можно и на сто метров пострелять, и на меньшую дистанцию, и метров на триста тоже очень вполне. Даже дальше.

Получается тогда, что «рем» становится вполне обычным и мобильным оружием. По весу он как... ну, как тот же FN FAL, например, или немецкая G3, я так прикидываю, а это просто армейские автоматы. Плюс толковый прицел... нормально. Зазоры, думаю, у «рема» поменьше – все же винтовка на точность рассчитана, так что уход за ней нужен серьезный.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, снял с «ремингтона» большой прицел, установил поменьше. Приложился – далековато, сдвинул назад. Примерился, подвигал оружие так, чтобы сразу попадать в правильное расстояние для зрачка, – нормально. Подсветка регулируется, положение глаза ловится инстинктивно, расстояние от зрачка серьезное, сантиметров десять.

Приложился, понаводил прицел на разные предметы – отлично, очень быстро выходит, можно навскидку палить. И оба глаза держать открытыми получается запросто, что еще важнее. Пристрелял «всухую», с помощью найденного в шкафу специального пристрелочного коллиматора «бушнелл». Идеальной

точности это не даст, на соревнования с такой пристрелкой не пойдешь, а вот по собаке уже не промахнешься.

В общем, как и решил, устроился спать у камина. Дробовик под руку, две заряженные крупной дробью двустволки положил в разные углы комнаты, на всякий случай. Ну и револьвер под руку. Спал беспокойно, часто просыпался, но, в общем, выспался, и ночью меня никто не беспокоил. Под утро показалось, что кто-то пробежал по двору, но, посветив найденным фонарем-прожектором, увидел, что никаких следов на снегу нет. Померещилось.

- Так, сегодня город на очереди, - сказал я своему отражению в зеркале, после того как побрился. Нечего зарастать, а то сперва себе с бородой волю дашь, потом мыться перестанешь, а потом вообще...

С утра взял вместо дробовика «ремингтон», предварительно шесть раз, дважды по три, стрельнув с террасы, окончательно пристреляв винтовку. Взял патронов и револьверы прихватил, оба, а найденный «таурис», к которому не было кобуры, спрятал просто в карман - типа оружие последнего шанса будет. Нормально, готов.

Потом собрал все сумки в доме, которые покрепче, забросил, перевязав, в нарты-прицеп. И туда же моток веревки кинул, которую нашел в инструментах. Все, можно двигать.

Хоть снег сыпал всю ночь, но моих следов не замел, так что сегодня я уже пробивал вполне полноценную тропу. Еще раз проеду - и считай, что дорога получилась. По проторенной дороге и снегоход шел легче, хотя, впрочем, он и вчера не слишком напрягался, по ощущениям. Пока ехал мимо соседних домов, подумал, что в них может быть много всего нужного, но когда попытался представить, что именно мне нужно, догадаться не смог. В принципе для дороги у меня есть уже все, спасибо тому мне, который жил здесь до меня. И ехать, похоже, придется налегке, на вот этом самом снегоходе, если сумею дорогу мимо туннелей найти. Оружие есть, патроны есть, одежда есть, еда тоже уже есть, надо бы только что-то такое добыть... для выживания в холоде, как мне кажется. Ночевать, как я думаю, получится в домах, но дома выстыли начисто, надо будет как-то греться, да и спальник хороший не помешает, а вот такого ничего у меня дома не нашлось. Не любитель я спать на природе, наверное, потому и не запасался.

Вот поворот к супермаркету, мой вчерашний след закончился, теперь опять по целине. Скорость чуть-чуть упала, но не сильно, снегоход словно плывет по нетронутому снегу. Хорошая машина.

Вскоре с трудом угадываемая дорога привела меня сначала к какому-то мотелю затрапезного вида, длинному и двухэтажному, затем показались склады, сплошь увешанные вывесками про запчасти. Похоже, с поправкой на наличие огромной стоянки, на которой замерло несколько заметенных снегом грузовиков, место было популярным среди дальнобойщиков. Один из грузовиков сгорел, у двух других прицепы были открыты, а на снегу лежали горы каких-то коробок – видно, груз кто-то потрошил. У ворот одного из складов я разглядел что-то похожее на кучу тел под снегом, но проверять мне совсем не хотелось. Видел уже, достаточно.

Потом слева от дороги показался очередной торговый пяточок. Не удержавшись, все же свернул туда, в надежде найти спортивный магазин или что-то подобное. Сначала наткнулся на офис Федеральной лесной службы, потом на психушку с расстрелянными окнами и несколькими промерзшими трупами в холле, которые я разглядел с дороги. А затем обнаружил магазин «Пауэр Спортс», торговавший снегоходами.

– Надо пошариться, – сказал я, останавливаясь у входа.

Винтовку за спину, револьвер в руки – и вперед. Дверь была прикрыта, внутрь снега не намело. Здесь не стреляли и никого не убивали, все было так чисто, словно до открытия осталось пять минут. Просторный зал, светлый, торговали здесь не только снегоходами, но и квадроциклами, и какой-то незнакомой их разновидностью с двумя сиденьями – то ли маленькими джипами, то ли багги – черт его знает, в моем двухтысячном такого не было. Сначала ничего полезного не нашел. Было много шлемов, но я шлема не надевал, мешает он. Потом все же прихватил пару зимних костюмов – может, и пригодятся, – взял ботинки, перчатки, еще теплое белье нашел, взял несколько комплектов, потому как в дороге стираться будет проблематично, я думаю. Затем повезло: наткнулся на специальные канистры для квадроциклов, плоские, которые удобно укладывать на багажник. Сгреб десяток, смотал веревкой через ручки и забросил в нарты. Все.

За магазином оказалась пожарная часть, явно совсем новое здание с красной крышей и фонарями перед подъездом. На обоих фонарях и светильнике над

дверью висело по исколеванному птицами трупю. Подъехал ближе, увидел на груди ближнего табличку «Мародер». Вот так тоже бывает, получается. Развернувшись на просторной стоянке, выехал на дорогу.

Первый признак того, что здесь действовала какая-то власть, обнаружился на мосту через реку. Баррикада из мешков с землей, рогатки, угловатый, ящиком, бронетранспортер, брошенный и присыпанный снегом. Остановился рядом, заглянул в бронемашину, надеясь увидеть там что-то вроде забытого автомата, но не увидел, разглядел лишь набитую здоровенными патронами ленту к крупнокалиберному пулемету. Нет, не мой масштаб, пожалуй.

Интересно, почему такой большой железный транспорт бросили? Ладно, мне-то какое дело теперь. Поеду дальше.

За мостом оказался на развилке. Можно налево, в город, а можно направо, к аэродрому. Решил все же начать с аэродрома, свернул вправо, поехав мимо какой-то импровизированной промзоны. Ангары, кучи досок штабелями, машины, контейнеры. Похоже, строители расположились, да строить уже нечего и некому. Проехав крайний дом на не слишком длинной улице, оказавшийся мотелем, свернул прямо в поле: все равно никакой разницы. Потом подумал, правда, что так можно и в какой-то занесенный снегом овраг заехать, из которого и на «поларисе» не выберешься, но обошлось, добрался до другой улицы, а потом уже по ней до аэродрома.

Границы самого летного поля определить не удалось: белая равнина – и все тут. Но увидел небольшой ряд небольших самолетов, полускрытых под кучами снега, а дальше ангары и двухэтажный домик, вроде как контора или что-то в таком духе.

– Ну и что теперь? – уже привычно спросил я самого себя, выехав как раз туда, где, по моим прикидкам, должна была проходить взлетно-посадочная полоса. – Лезть в ангары? А почему бы и нет? С конторы начну.

Контора была заперта, но такую дверь запирают – самого себя обманывать. Пара движений предусмотрительно прихваченным гвоздодером, пинок – и милости просим. Маленький офис, компьютер с плоским монитором, бумаги, шкаф с ключами на стене. Открыл, присмотрелся – на ключах бирки с номерами: похоже, что как раз от ангарных ворот. Уже чуть проще... если докопаюсь до них через

снег.

В шкафу на верхней полке обнаружился потертый четырехзарядный дробовик «Ремингтон-870» с деревянным прикладом и коробка патронов. Ты гля, какие здесь правильные люди жили. Прихватил, естественно, оружие с собой.

На втором этаже была, насколько я понял, вышка, или диспетчерская, или как это все правильно назвать. Все заставлено радиоаппаратурой, отчего в голове сразу сформировалась мысль послушать эфир. Потом сообразил, что все давно обесточено и ни хрена из такой затеи не выйдет. Еще вспомнился отдел электроники в супермаркете, и я подумал, что на обратном пути надо будет прихватить там что-нибудь с радио: в доме я ничего такого или не видел, или просто не понял, что это оно. Если где-то есть люди, то они должны быть в эфире. Мне так кажется. А вообще я дебил, даже не попытался до сих пор телевизор включить: вдруг он работает?

Ладно, что делать-то? Попробовать лезть в ангар или забить на это дело? Ну залезу, а дальше? Полосу расчистить? Ну даже если так, найду какой-нибудь бульдозер, то дальше что? На бульдозере лететь? Нет, на фиг, не буду даже время терять, разве что ключи прихвачу с собой, мало ли как дальше все повернется.

Вышел из конторы, постоял на крыльце. Серо, ветрено, мертво. Не пусто – именно что мертво. Это как-то чувствуется, душой, нутром, сознанием. Захотелось плюнуть на все планы, быстро добраться до своего дома и запереться там. Ну его все к черту, что мне здесь еще разведывать? Потом подумал, что меня такие картины наверняка ждут еще и впереди, так что избежать свежих впечатлений не получится, надо ехать.

Кстати, один ангар открыт – мне отсюда видно: внутри пустота. И квадроцикл брошенный рядом. Не Настя ли здесь была? Очень медленно поехал в сторону города. Сначала увидел трейлерный парк со старыми и ржавыми машинами, такой же мертвый, как и все остальное. Пара трейлеров сгорела до фундамента, выгорели и машины перед ними. Потом был квартал новых модульных домов – следующий шаг к процветанию после трейлерного парка по американским меркам. А потом все вперемешку потянулось – приличный щитовой дом, трейлер на участке земли, какая-то развалюха, опять нормальный дом. Обычные деревянные заборы, не лучше, чем в какой-нибудь деревне в Нечерноземье, недорогие машины, в основном пикапы. Похоже, особым богатством городок не

блистал. Кстати, мой дом выглядит новым, равно как и все соседние, так что, думаю, тут туристический бум начался, и Грэнби намеревался процветать – и тут вот так. Ну да, это же практически Аспен, насколько я понял из карты, самый популярный лыжный курорт в Америке. Ну, недалеко от Аспена.

Здесь кресты с цифрами были уже на каждом доме, что бы они ни означали. Уверен, что ничего хорошего. Но приметы плохого по-настоящему появились тогда, когда я подъехал к Грэнби Элементарной, местной начальной школе. Ее сетчатый забор поверху был обтянут колючей спиралью, на въезде на школьную территорию установлен шлагбаум, за ним несколько огневых точек из мешков. На фасаде школы большой плакат с буквами FEMA – американский аналог российского МЧС.

Сейчас шлагбаум был поднят, стоянка пуста, разве что у самого выезда стоял на спущенных покрышках расстрелянный черный «сабербен». У дверей самой школы виднелся фургон «скорой помощи», а в самом дальнем углу площадки приткнулся военный грузовик вроде того, груженного трупами, что я видел у «Сити-Маркета», и «хамвик» пустынной расцветки с распахнутыми дверями. В машинах не было никого.

В здании школы, как оказалось и как я прочитал на плакате, был развернут временный госпиталь. Сейчас двери этого госпиталя были крест-накрест забиты длинными досками и заклеены лентами со значками биологической опасности. Стоя рядом, я словно кожей ощущал ту ауру смерти, которую он распространял. Заглянул осторожно в «скорую», почему-то ожидая увидеть в ней трупы, но ничего такого там не было. Даже носилок не было, зато на полу лежал огромный пластиковый пакет, из которого вывалились одноразовые медицинские маски.

Ну да, эпидемия. Была. А я тут гуляю как хочу. Блин. Хоть раз бы задумался. Ладно, теперь-то что? Какой там инкубационный период? От четырех месяцев? Вот через четыре и посмотрим. Тем более что к зиме, насколько я помню из книг, все эпидемии и заканчивались, сами по себе.

Поразмышляв таким образом, я вытащил мешок с масками из фургона и перебросил в нарты. Потом вытащил одну и надел, заправив резинку под вязаную шапку. Авось поможет, если не поздно. Идиот, что еще скажешь. Тьмы боюсь, хотя тут...

Дальше поехал по стрелкам: на каждом повороте стояли указатели с маркировкой все той же FEMA, ведущие к некоему «штабу», который предсказуемо расположился в местном таун-холле.

Здесь все было организовано куда серьезней. Немалая территория между офисом почты, таун-холлом и городской библиотекой была огорожена, в проволочно-мешочном периметре рядами стояли трейлеры с эмблемами FEMA, военные грузовики с жилыми раздвижными кунгами, были развернуты антенны. И вновь пустота, опять все брошено.

Еще трупы – трое, в военном летнем камуфляже, лежащие у стены, руки связаны проволокой за спиной. Похоже на расстрел, только почему военных? От самих трупов осталось немного: явно собаки постарались. Лица изгрызены, видны оскаленные зубы, пустые глазницы, клочья волос. Я уставился на выеденный живот одного из мертвецов, в который намело снега, ощущая какую-то дикую иррациональность всего происходящего, а потом на меня вдруг накатило – и я, едва успев сдернуть маску, разорвав резинку, опираясь руками в колени, долго и мучительно извергал остатки завтрака.

Накатила слабость, закружилась голова. Нагнулся, чтобы зачерпнуть чистого снега, но неожиданно вспомнил о лежащих рядом трупах, отдернул руку. У меня фляжка есть, с кипяченой водой. Достал из рюкзака, отвинтил крышку, прополоскал рот, попил немного. Отпустило вроде.

Из пакета с масками достал новую, надел. Самоуспокоение, но черт его знает. Вновь револьвер в руку, и... с чего начать? С таун-холла начну, хотя понятия не имею, что надеюсь там найти.

В общем, не нашел ничего, кроме следов поспешной эвакуации. Несколько окон было разбито, и по зданию гулял ветер, намело немало снега. Ни людей, ни трупов, просто бумаги, сдвинутые столы, перевернутые стулья. Какие-то военного вида ящики, оказавшиеся пустыми, никакого забытого оружия и патронов. Ну да и ладно.

На стене в одном кабинете обнаружился странный плакат с фотографиями, датированными 2004 годом: «Повреждения, нанесенные городу Грэнби». Сначала я решил, что здесь было землетрясение, но, прочитав текст, узнал, что какой-то владелец мастерской по ремонту глушителей поссорился с местными

властями, забронировал бульдозер и развалил им как раз таун-холл, полицейский участок, раздавил два патрульных крузера, переехал дом мэра и строящийся цементный завод, банк, офис городских коммунальщиков, вследствие чего оставил половину города без работы и местный бюджет с огромной дырой. Потом он застрелился. Молодец, здорово придумал, придурок. А городишко и вправду впечатления процветающего никак не производит: помог он соседям сильно, видать.

Ладно, дело прошлое. Соседям уже все равно, похоже. Я вышел на крыльцо и замер, вскинув револьвер: прямо у снегохода выстроилась полукругом собачья стая.

– Откуда это вы? – спросил я у здоровенной темно-серой псины непонятной породы, попутно сдавая задом обратно в дом.

Оказавшись за дверью и подперев ее ногой, оставив небольшую щель, достаточную для того, чтобы целиться и недостаточную для того, чтобы собаки могли заскочить следом, я почувствовал себя чуть уверенней. Собак, кажется, мой маневр немного озадачил. Две или три из них дернулись было атаковать, что характерно – без всякого рычания и демонстраций, то есть уже совсем одичали и облюдовались, – но остановились. А я решил не останавливаться, и, прицелившись в самую ближнюю, большим пальцем взвел револьвер, а потом потянул ставший неожиданно легким и податливым спуск.

Грохнуло, чувствительно отдало в руки, сверкнуло хвостами огня от стыка ствола с барабаном, собака отскочила назад, но тут же свалилась, задержавшись и завертевшись на снегу. Остальные дернули в стороны, сразу же, мгновенно, но я успел достать еще одну, влепив ей пулю куда-то в задницу. Она перекувырнулась через голову и тоже забилась, окрашивая снег ярко-алой кровью. Остальная стая метнулась дальше по улице, остановившись и опять сбившись в кучу метрах в стах от меня.

– Это вы зря, – сказал я, доставая из барабана две пустые гильзы и вталкивая на их место два новых патрона. – Зря вы это, зуб даю.

Сняв из-за спины «рем», я на всякий случай обошел подальше умирающую собаку, всунул локоть левой руки враспор под ремень винтовки, оперся на капот стоящего у самого крыльца эвакуатора. Марка выставленного на пятикратное

увеличение «бушнелла» остановилась на той самой большой серой псине, которую я принял за жоака. Прицелился сначала в голову, но потом передумал и перевел перекрестье на плечо, так надежней и... мне кажется, так напугает их больше.

Большой палец толкнул клавишу предохранителя, я задержал дыхание... выстрел эхом отразился от стены здания, большая серая собака дернулась, сделала пару хромых прыжков, а затем свалилась на снег, уже неподвижно. Стая метнулась вдаль по улице, и мне вновь удалось выцелить еще одну, подранив, но не убив. После этого собаки резко сменили направление и бросились за угол, пропав из виду.

– Вот так, не ходи за мной, – сказал я, меняя магазин на полный. – Убью ведь.

Обернувшись, я обнаружил, что подранок еще жив и пытается ползти. Нехорошо так оставлять. Вспомнив про короткий револьвер в кармане, я достал его, прицелился раненой собаке в голову и потянул спуск. «Коротыш» грохнул куда звонче и резче, чем длинный револьвер, несмотря на меньший калибр, собака замерла. А я заодно убедился, что найденное оружие вполне работоспособно.

Что еще? Трейлеры проверить? Почему бы и нет. Мало ли...

Подумавав, натянул на ботинки снегоступы: все же по целине бродить утомительно. Сразу стало легче, почти перестал проваливаться. По пути добил вторую раненую собаку, затем убрал маленький «таурис» обратно в карман, тоже добавив барабан до полного.

Первый трейлер был просто пуст. Использовался он, похоже, как зал совещаний, так что вся его обстановка состояла из одного дивана, длинного стола со стульями и крошечной кухоньки с кофеваркой. Если и было здесь что-то полезное, то все уже вывезли. В радиофургоне я тоже ничего нужного не нашел. Просто потому, что не смог прикинуть, чего здесь хочу нужного: все незнакомое, все явно зависит от внешнего питания. Попытался пощелкать тумблерами, но, естественно, бесполезно.

Третий трейлер был лабораторией, похоже. Много стекла, много пробирок, много аппаратуры непонятного предназначения. У стены, откинувшись на стуле, сидел закоченелый труп. Причина смерти была понятна сразу – на полу возле

него лежал небольшой черный пистолет, а мозги разбрызганы по светло-серой стене. Рядом, на лабораторном столе, я увидел записку, прижатую снаряженным магазином: «We got fucked. We can't help anybody nor can't help ourselves. We're DEAD!» И ниже пририсована круглая улыбающаяся рожица Мистера Хэппи над скрещенными костями.

– Ну да, ты точно умер, – сказал я, вглядываясь в лицо мертвеца, бледное, бескровное, обвисшее, тронутое тлением, а теперь замерзшее до костяного состояния. – Нехорошо получилось тут у вас.

Нагнувшись, поднял пистолет, оказавшийся совершенно незнакомой мне «береттой» с пластиковой рамкой. Поискал маркировку, нашел клеймо «Px4 Storm» – никогда про такой не слышал. Но в руке удобно лежит. Выкинул магазин в ладонь – двух не хватает, а так семнадцатизарядный. Затем выбросил патрон из патронника, поймав его на лету, заодно удивившись тому, что ствол вращается. Ладно, потом разберусь. Следом взял второй магазин со стола и все убрал в рюкзак. Никаких других магазинов и патронов не нашел. Ладно, у меня еще два полных магазина к «глоку», там тоже тридцать патронов.

Интересно, кем он был? Одет в гражданское, худой, лысоватый, на столе лежат очки – наверное, снял перед тем, как сунуть ствол в рот. Нет, не похож на «силовика»: или чиновник, или доктор... не знаю, мне просто так кажется.

В следующем трейлере нашел местные «Желтые страницы», лежавшие на столе. Полистал, наткнулся на рекламу оружейного магазина «Вестерн Ганкрафт», обнаружил, что он всего в квартале отсюда, если возвращаться в сторону аэродрома. Проехать? Сомневаюсь, что там что-то осталось, но... все равно ведь рукой подать.

На улице опять огляделся – собаки появились возле трупа жоака, но жрать его еще не принялись, а так, стояли рядом. Подумав, опять взялся за винтовку, на этот раз прижав ее к боку жилого трейлера для устойчивости. Выцелил крупного серо-бурого пятнистого барбоса, выстрелил, целясь на этот раз в голову. Собака свалилась, остатки стаи сразу же скрылись за углом. Почему-то уверен, что больше они ко мне не сунутся.

Снегоход завелся и, неторопливо выехав через открытые ворота заброшенного периметра, двинул дальше по улице. Свернув направо, а затем налево, я

оказался на параллельной улице и сразу же увидел вывеску магазина перед маленьким одноэтажным домиком на два окна. К удивлению моему, магазин оказался заперт, окна не выбиты, в общем, на первый взгляд все в порядке. Ну да, здесь же военных было полно, особенно не помародеришь...

Дверь ничего особого собой не представляла: два выстрела из найденного на аэродроме дробовика, пара движений гвоздодером – и милости просим. А вот оружия в магазине не оказалось вообще, равно как и патронов. Не думаю, что здесь было его много, магазин совсем крошечный, тут скорее даже мастерская, а не магазин, но не оставили ничего. Пустые решетки с крючками на стенах.

Ничего? Я замер в дверях, задумавшись, потом вернулся и прошел за прилавок опять. Как это ничего? А вот это что?

Присев на корточки, я начал вытаскивать с полок коробочки с насадками для перезарядного пресса, пакеты с гильзами, коробки пуль, плоские упаковки капсулей, потом извлек из стального шкафа несколько банок пороха. Думаю, что во время наступившей беды людям было не до этого, они брали только оружие и готовые патроны. А это все осталось. Кобуры, ремни, какие-то прицелы, что-то еще – масса всего. А мне пригодится: я уже сейчас вижу, что могу доснарядить кучу патронов к револьверам и пистолету, к дробовику, еще к винтовкам. У меня время есть, надеюсь.

4

Больше мне в Грэнби не нужно ничего, решил я, сидя у камина и пытаюсь найти что-нибудь по радио, которое прихватил из ситимаркета на обратном пути. Мне надо только продумать маршрут и подготовиться к дороге. Спальника и печки для кемпинга я так и не нашел, в супермаркете ничего подобного не было, и «Желтые страницы» не подсказали. Ладно, это пока не критично, можно что-то придумать. Ночевать только в домах и выбирать те, которые с печками или каминами, по трубе это всегда видно. Туннели вот только, туннели... Улетела Настя, рупь за сто, на самолете улетела. А мне что делать?

Почему-то представился вертолет, взлетающий откуда угодно и куда угодно приземляющийся. Вздохнул, искренне пожалев о том, что вертолетом управлять

не умею. А так и классно было бы, особенно если найти такой, что на обычном бензине. Есть такие, я точно знаю. Перемахнул бы через Скалистые – и вот он Денвер.

Опа, а это что?

Автопоиск радио вдруг остановился, поймав какую-то станцию на средних волнах. Слышно было так себе, но... но слышно.

– ...Правительство восстанавливает нормальную жизнь южнее северной границы штатов Нью-Мексико, Оклахома, Арканзас, Теннесси, Северная Каролина. Все выжившие приглашаются на проживание на вновь создаваемых территориях. Лицам, страдающим синдромом Дабл-Ар-Эс, будет оказана помощь, они смогут вернуться к нормальной жизни...

Вот это да... вот это уже что-то. И от Колорадо до Нью-Мексико рукой подать, даже не обязательно ломиться через Скалистые горы, можно двинуть просто на юг... Стоп, а Настя? Настя двинула на Денвер. Зайти туда снизу карты, через Нью-Мексико? Черт, ну что теперь делать?

– ...отдельные форпосты и укрепленные пункты на территории штатов Канзас и Миссури. Там вы сможете связаться с властями и найти свое место в новом обществе...

То есть люди все же выжили. И в достаточном количестве для того, чтобы населить несколько штатов. Это немало, наверное.

– ...Избегайте приближаться к большим городам. Перечисляем пункты, которых следует избегать: Денвер, Альбукерке, Даллас, Форт-Уорт...

Даже так? А пояснить почему – для тех, кто не сильно в курсе? Диктор, а скорее всего просто запись шпарит для тех, кто тут давно. А для тех, кто как я? И что с Денвером не так? Тьма? Почему про Тьму не сказали? И если Настя туда направилась, то... вообще-то она опытная, уже всякого повидала в Отстойнике, она не вляпается. Не Тьма? А что тогда?

У меня ведь логика какая: откуда я сюда влетел, Тьма появлялась там, где гибло много людей. Большие города под это подходят здесь как нельзя лучше – уверен, что туда даже заглянуть страшно было бы после повального мора. Тут должно было погибнуть куда больше, чем в любой мировой войне. Как Тьме не быть! Или все не так просто? Нет, не так просто: в Отстойнике не было людей вообще, а здесь... самих людей не видел, а вот тел хватает, даже в этом захолустье. Не так просто, не так... И что делать? Прорываться все же к Денверу и искать знаки, оставленные Настей, или рваться к людям и искать ее там? Наверняка какая-то служба поиска должна быть налажена после такого бедствия.

Кстати, что это за синдром Дабл-Ар-Эс? Последствия болезни для тех, кто не умер? Наверняка.

– ...информация предназначена для «чужих», людей, оказавшихся в этом мире после катастрофы. Вы с высокой вероятностью заражены вирусом Суперкори, но мы способны оказать вам помощь, мы готовы спасти вас от неминуемой гибели. Двигайтесь в направлении территории, контролируемой правительством. Напоминаю, что эта территория расположена южнее границы...

Вот как?

Вот это сюрприз. Нет, действительно сюрприз, самый настоящий.

Эпидемия с зимой не закончилась? Я заражен? А почему бы и нет? Здесь может быть все вокруг заразно, наверное. А они это лечат? А что себя не вылечили? Или позже научились? И что мне теперь делать?

Так... дай-ка погляжу вот на что...

Поднялся в кабинет, подсвечивая фонариком, пошарил в столе, выудив свое водительское удостоверение. Посмотрел на фотографию. Вообще-то не такая уж большая разница. Нет, двенадцать лет заметны, но... предположим, я похудел и... отпустил все же бороду? Можно попробовать. Акцент... ну, блин, кто знает, когда я эмигрировал в Америку? Думаю, что уже никто. Вот и акцент, а так болтаю я на английском свободно, равно как и на испанском.

Так, то есть у меня есть документ, который подтверждает, что я не чужой, так? И даже подозреваю, что отпечатки пальцев совпадают, потому что я – дубль. Или он дубль.

Блин, я что, совсем параноик? Ну почему я никому не верю, а? С другой стороны, верил бы Милославскому, такому честному и доброжелательному, – лежал бы сейчас в генераторном сарае с пулей в затылке, пробив тому ворота назад, домой. Только паранойя эта моя меня и спасла вообще-то, так зачем от нее отказываться и с ней бороться? Вы страдаете паранойей? Нет, я ею наслаждаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-kruz/vozle-t-my-chuzhoy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)